

Л.М. Чернышева

Удмуртский государственный университет

(Ижевск, Россия)

О ФУНКЦИЯХ ИНВЕРСИИ В УДМУРТСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В статье рассматривается вопрос функционала инверсии в удмуртском предложении. Предоставляется мнение исследователей, затрагивающих проблемы словопорядка и инверсии в удмуртском языке. Так, согласно просмотренным материалам, среди функций инверсии можно отметить актуализацию наиболее значимой лексики или фразы, облегчение восприятия информации, ритмическую организацию и передачу эмоциональности.

На основе анализа лингвистических трудов, посвященных вопросам изучения словопорядка в удмуртском языке, выявляются основные функции инверсии как стилистической единицы. Как и в других языках, обратный порядок слов в исследуемом языке используется для актуализации наиболее значимой лексики или фразы, облегчения восприятия информации, реализации особой ритмической организации и передачи эмоциональных смыслов текста

Ключевые слова: удмуртский язык, инверсия, функция, экспрессивный синтаксис.

Инверсия является одним из наиболее распространенных средств удмуртского экспрессивного синтаксиса. Данный стилистический прием используется для достижения особых интенций автора, поскольку позволяет выполнить определенные функции. Сведений про инверсию в удмуртском языке довольно мало, поскольку ее изучение чаще всего затрагивалось попутно, при рассмотрении порядка слов в удмуртском предложении или исследовании стиля отдельных удмуртских писателей (М.Н. Булычев [1947], Т.Г. Гаврилова [1970], А.Ф. Шутов [1988], Р.И. Яшина [1990], Л.Л. Карпова [2015] и др.). Целью данной статьи мы определили систематизацию информации о функционале инверсии в удмуртском предложении.

Упоминание о функционале инверсии можно найти в грамматике Ф.И. Видеманна от 1851 года, где ученый выделяет две причины использования инверсии в удмуртском языке: 1) с целью акцентирования внимания на конкретном слове в предложении и 2) создания определенной ритмики в тексте [Видеманн 1851: 282].

В грамматиках 1920-х и 1930-х годов излагаются правила словоупорядка в удмуртском предложении, согласно которому удмуртский язык, являясь агглютинативным языком, придерживается закона «порядка и последовательности», согласно которому главные элементы располагаются в постпозиции по отношению к второстепенным [Глезденев 1921: 5]. В результате, подлежащее и сказуемое становятся замыкающими элементами своих групп. При чем сказуемое занимает ауслатную позицию. Исключение из данного порядка, по мнению ученых, могло быть возможно только при выражении логического ударения [Глезденев 1921: 45; Баушев 1929: 10, Жуйков 1937: 12, 18–19]. Таково было представление о традиционном словоупорядке удмуртского языка в начале XX века. При этом исключительность перемещения сказуемого свидетельствует о строгом соблюдении традиционного словоупорядка в начале 1930-х годов.

Некоторые исследователи 1930-х гг. связывали постановку словоупорядка с типом предложений. Так, сказуемое могло изменить свою традиционную позицию в побудительных [Яковлев 1930: 65; Жуйков 1933: 12], а также в восклицательных предложениях: «Косыса но куара жутыса веран дыр ‘я гинэ йыркылэз аяз гожто» [Яковлев 1930: 65]. ‘Только при побуждении и восклицании глагол ставят впереди’. Использование инверсии в восклицательных предложениях можно связать с их возможностью передачи различного эмоционального состояния. В побудительных предложениях инверсия способствует усилению воздействующей способности текста. Однако, исследователи не углубляются в вопросы функционирования словоупорядка, поскольку придерживаются в своих работах иных целей.

С.П. Жуйков также отмечал о перемещении сказуемого в стихотворениях с целью сохранения рифмы и закреплял свой довод примером с инверсией. При этом исследователь продублировал пример стихотворения с перестановкой сказуемого в традиционную ауслатную позицию и с сохранением рифмы [Жуйков 1933: 12].

Подобная корректировка еще раз свидетельствует о стремлении к сохранению традиционного порядка удмуртского предложения.

Ряд исследователей предлагают еще одну из причин трансформации предложения. Так, в осложненных предложениях сказуемое стремится приблизиться к подлежащему с целью сохранения с ним грамматической связи, что способствует улучшению восприятия информации [Конюхова 1941: 46; Булычев 1947: 37 и др.].

О улучшении информативности текста говорил А.С. Бутолин, анализируя язык удмуртского писателя Г. Медведева. Ученый отмечает о неоднозначной позиции удмуртских исследователей к обилию нестандартно построенных предложений, что может, по мнению ученого, усложнить восприятие текста. Однако, при уместном употреблении нестандартный словопорядок усиливает смысл, содержание и основную идею автора: «Со быдэс предложенилэсь, веранлэсь смыслзэ, пуштроссэ, основной малпанзэ юнгес вераны понна озы каремын» [Бутолин 1935: 118]. 'Это сделано для того, чтобы наиболее ярко выразить смысл, содержание, основную мысль целого предложения, сказанного'. При этом можно обратить внимание на подчеркивание ученым интенций писателя, в чем проявляется возможность инверсии к выражению субъективных мыслей адресанта: «ас малпанзэ умойгес возьматэ» [Бутолин 1935: 118]. 'лучше показывает свою мысль'. Как подчеркивал М.Н. Булычев, многое «в построении предложения зависит от субъективного усмотрения говорящего» [Булычев 1947: 41]. Определение инверсии, приведенное М.Н. Булычевым, строится на подчеркивании функциональной значимости данного стилистического средства: «Инверсия (отклонение от нормального порядка слов) подчеркивает передвинутое слово» [Булычев 1947: 12]. Здесь ученый говорит о возможности акцентирования внимания на слове, занимающем нестандартную позицию в предложении. Так, к примеру, «начальная позиция сказуемого также имеет усиливающее или утверждающее значение; она имеет место, когда говорящий выражает удивление чему-либо, а также в лозунгах» [Булычев 1947: 35]. Таким образом, отмечая о связи словопорядка и выражения удивления, автор предполагает возможность передачи эмоций в тексте посредством инверсии.

Важно отметить, что М.Н. Булычев, а также Б.А. Серебренников отмечали об оттеняющей возможности нестандартного словопорядка в удмуртском языке

[Булычев 1947: 35; Серебренников: 1986: 119]. При этом Б.А. Серебренников уточняет, что оттеняется или выделяется глагол [Серебренников 1986: 119]. Это свидетельствует о акцентуализирующих возможностях инверсии удмуртского предложения.

В. Вахрушев в одной из своих статей, анализируя мастерство удмуртского писателя Г. Красильникова подчеркивает умелое оперирование писателя как лексическими, так и синтаксическими средствами. Так, различные типы предложений в тексте, инверсированные предложения избавляют читателя от однородного повествования [Вахрушев 1962: 38]. Все это позволяет наделить текст большей выразительностью, поскольку формирует особую ритмическую организацию.

По мнению Т.Г. Гавриловой, «при инверсии порядок слов осуществляет смысловую функцию» [Гаврилова 1970: 117]. Как отмечает исследователь, сказуемое занимает анлаутную позицию в предложении «в описаниях природы и человека, при необходимости особого усиления, выделения состояния или действия» [Гаврилова 1970: 110]. Следовательно, Т.Г. Гаврилова также обращает внимание на способности инверсии актуализировать, выделять, интенсифицировать наиболее значимые единицы предложения, что способствует определенной интерпретации смысловой значимости выделенных элементов.

А.Ф. Шутов рассматривает ударение в предложении в сопоставительном аспекте, приводя в пример устный вариант предложения, где ударение обозначается интонационным выделением конкретного слова без перемены мест элементов предложения [Шутов 1988: 62], тогда как в письменном варианте ударение зависит от словопорядка. Автор считает, что частое обращение к инверсии обусловлено влиянием русского языка на удмуртский [Шутов 1988: 63]. А.Ф. Шутов отмечает о лучшем сохранении древнего словопорядка в прозаических текстах, по сравнению с поэзией, где распространился наиболее свободный порядок слов. В поэзии использование инверсии ученый обуславливает ритмической организацией стихотворения [Шутов 1988: 63].

Также, с опорой на поэтические тексты свое определение понятия «инверсия» предлагает Р.И. Яшина, характеризуя его как иное расположение слов и словосочетаний в предложении, использующееся для логического выделения слов и

углубления смысла в стихах и песнях: «Инверсия – предложениын кылъёслэн но кыл сочетаниослэн мукет сямен радъяськемзы – кутйське кыче ке кылъёсты логически кужмогес веран вылысь, кылбурлэсь но кыр зӑнлэсь пуштроссэс муромытон вылысь» [Яшина 1990: 72]. 'Инверсия – обратное расположение слов и словосочетаний в предложении – используется для логического выделения определенных слов, углубления содержания стихотворения и песни'. Также цель ритмизации и стилизации инверсии в поэзии подчеркивают Е.А. Булычева и О.П. Никифорова [Булычева, Никифорова 2017: 45].

Некоторые исследователи рассматривают инверсию в рамках актуального членения, выделяя тему и рему (Л.Л. Карпова [2015], А.Ф. Шутов [1988] и др.). Как отмечает Л.Л. Карпова, анализируя словопорядок в северном диалекте удмуртского языка, порядок слов служит для отображения коммуникативной значимости слова: «Все значимое выдвигается вперед, рема может быть в любом месте высказывания, но чаще в его начале или середине» [Карпова 2015: 86–87]. Так, инверсия благодаря особому выделению слова способствует реализации экспрессивной функции, функции интенсификации, помогает выражать определенные состояния [Карпова 2015: 87].

Таким образом, на основе анализа просмотренных научных материалов, можно отметить важную роль нестандартного словопорядка в удмуртском предложении, а также проследить отношение ученых к данному вопросу. Так, в начале XX века в удмуртском языке наблюдается тенденция строгого соблюдения стандартного словопорядка, в связи с чем наблюдается заметно настороженное отношение к перестановке элементов предложения. В дальнейшем вырабатывается более лояльное отношение к инверсии и отмечаются следующие функции употребления обратного словопорядка. К ним относятся:

- актуализация наиболее значимого элемента в предложении, логическое ударение (Ф.И. Видеманн [1851]; К.М. Баушев [1929]; П.П. Глезденев [1921]; С.П. Жуйков [1937]; А.С. Бутолин [1935]; М.Н. Булычев [1947]; Т.Г. Гаврилова [1970]; А.Ф. Шутов [1988]; Б.А. Серебренников [1986]; Р. И. Яшина [1990] и др.);
- ритмическая организация (Ф.И. Видеманн [1851]; В. Вахрушев [1962]; А.Ф. Шутов [1988]; Е.А. Булычева, О.П. Никифорова [2017] и др.);

- оптимизация восприятия информации, информативность (А.С. Бутолин [1935]; А.В. Конюхова [1941]; М.Н. Булычев [1947]; Л.Л. Карпова [2015] и др.);
- передача эмоциональности, состояния (М.Н. Булычев [1947]; Т.Г. Гаврилова [1970]; Л.Л. Карпова [2015] и др.).

Литература и источники

Баушев К.М. Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка. Москва; Ленинград: Госиздат, 1929. 48 с.

Булычев М.Н. Порядок слов в удмуртском простом предложении. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1947. 85 с.

Булычева Е.А., Никифорова О.П. Порядок слов в языке удмуртской поэзии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. № 4. С. 42–49.

Бутолин А.С. Удмурт литература: средней школары учебник: 6 но 7 классъёслы. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1935. 164 с.

Вахрушев В. Писательлэн кылыз // Молот. 1962. № 9. С. 34–41.

Гаврилова Т.Г. Порядок слов в удмуртском простом предложении // Записки УдНИИ. 1970. Вып. 21. 1970. С. 107–118.

Глезденев П.П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка: Издание Вят. губерн. отд-ния Госиздата, 1921. 55 с.

Жуйков С.П. Основы грамматики удмуртского. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1937. 46 с.

Жуйков С.П. Учебник удмуртского языка: для русских ФЗС и ШКМ 5–6 гг. обучения. Ижевск: Удмуртское государственное издательство, 1933. 116 с.

Карпова Л.Л. Особенности порядка слов в удмуртской народно-разговорной речи (не материале северных диалектов) // Вестник Удмуртского университета. Серия: история и филология. 2015. Т. 25. Вып. 2. С. 85–91.

Конюхова А.В. Предложениян обособленной второстепенной членъёс // Удмурт кылын морфология но синтаксис вопросъёс. 2-тй сборник. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. С. 44–67.

Серебрянников Б.А. Синтаксис древнеудмуртского языка – синтаксис тюрко-татарского типа // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: сборник статей. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 116–123.

Шутов А.Ф. Кудйзлэн кытын интыез // Молот. 1988. № 11. С. 62–63.

Яковлев И.В. Удмурт кылрадъян. Ижевск: Удкнига, 1930. 80 с.

Яшина Р.И. Удмурт стилистика очеркъяс. Ижевск: Удмуртия, 1990. 143 с.

Wiedemann F.J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch wotjakischen Wörterbuche. Reval: Kluge & Ströhm, 1851. 390 s.

L.M. Chernysheva

Udmurt State University

(Izhevsk, Russia)

ABOUT INVERSION FUNCTIONS IN THE UDMURT SENTENCE

The article deals with the question of the inversion functional in the Udmurt sentence. The opinion of researchers dealing with the problems of word order and inversion in the Udmurt language is provided. So, according to the materials reviewed, among the functions of inversion, one can note the actualization of the most significant lexeme or phrase, the facilitation of information perception, rhythmic organization and the transfer of emotionality.

Keywords: Udmurt language, inversion, function, expressive syntax.